

Рубакин Николай Александрович

**Среди мусульман: Рассказ о
двух турках и о их
путешествии в Мекку**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Р.**
Среди мусульман: Рассказ о двух турках и о их путешествии в Мекку / Рубакин
Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-519-83721-7

ISBN 978-5-519-83721-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

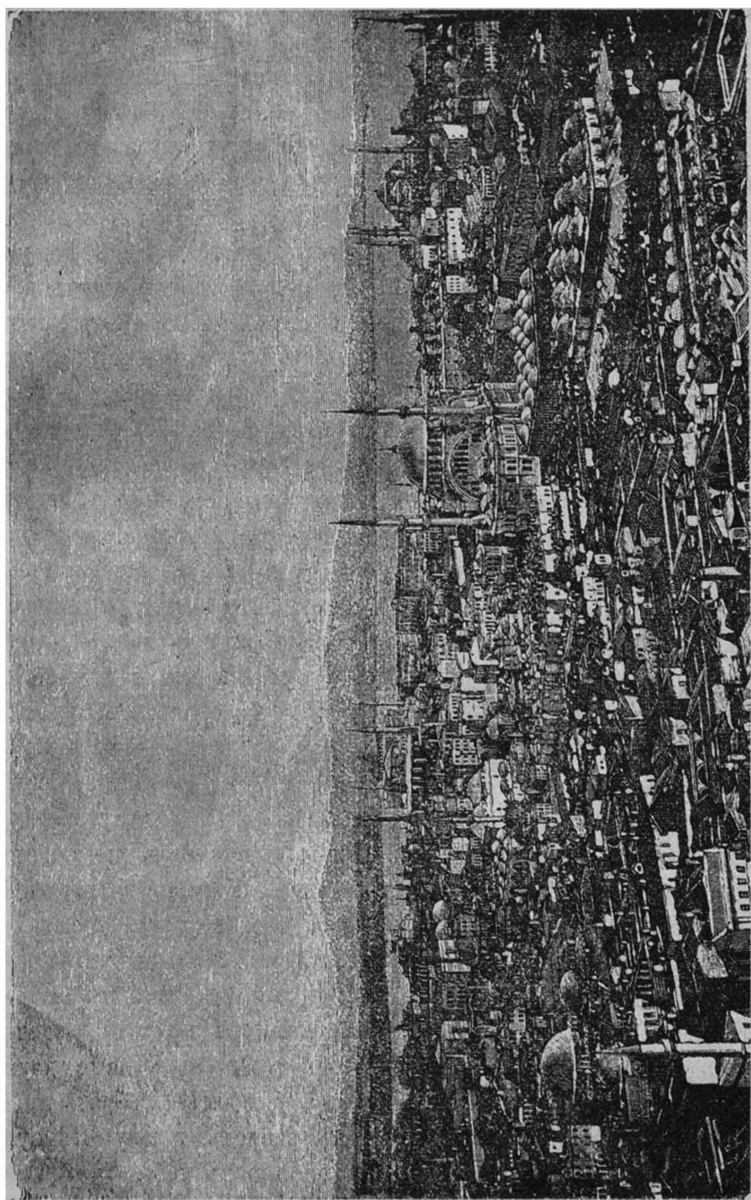
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

магометанамъ пить вино. Потому вмѣсто вина Фуадъ-паша пилъ иногда водку.

— Про водку въ нашей священной книгѣ Коранѣ ничего не сказано!—такъ успокоивалъ паша свою совѣсть.

Вѣдь тысячу двѣсти восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда писался Коранъ, водка еще не была придумана. Значить, тогда ее нельзя было и запретить.

Впрочемъ, иногда Фуадъ-паша пилъ и вино.

Отъ хорошей вѣды да спокойнаго житья Фуадъ-паша такъ разжирѣлъ, что даже не видѣлъ своихъ собственныхъ ногъ, когда стоялъ на землѣ: видѣть ихъ мѣшало огромный животъ. Но толщины да жиру Фуадъ-паша не боялся. У турокъ толстые люди въ почетѣ: вѣдь толстѣютъ только знатные да богатые люди, бѣдняку же не отъ чего толстѣть.

Фуадъ-паша былъ важный государственный человѣкъ, по турецки «рюте-и-бала». А въ Турціи всѣмъ извѣстно, что отъ житейскихъ заботъ люди худѣютъ, а отъ государственныхъ — жирѣютъ. Фуадъ-паша былъ такъ толстъ, что едва-едва передвигалъ ноги. Онъ ступалъ грузно, тяжело и при этомъ сильно сопѣлъ и пыхтѣлъ. По лицу паши струились капли пота. Онъ лѣвннвой рукою вытиралъ ихъ, и при этомъ бормоталъ арабскія слова:

— Иншаллахъ!

Это значить: «такъ Богу угодно».

Разумѣется, ходить пѣшкомъ Фуадъ-паша очень не любилъ. Онъ больше ѣздилъ верхомъ на лошади. У него была очень хорошая, крѣпкая лошадь, которая безъ особаго труда носила на своей спинѣ знатную и важную тушу въ семь съ половиною пудовъ. Спину лошади покрывалъ огромный, очень красивый чепракъ; у лошади была дорогая, украшенная золотомъ, уздечка и великолѣпное сѣдло. Безъ помощи одного или даже двухъ слугъ Фуадъ-паша не могъ никакимъ способомъ взобраться на лошадь. На сѣдлѣ онъ сидѣлъ брюхомъ впередъ, голову откинувъ назадъ, а свой длинный носъ упиралъ прямо въ небо.

Фуадъ-паша былъ очень неказистъ ни лицомъ, ни фигурой, а все же съ великою важностью смотрѣлъ по сторонамъ.

Встрѣчные люди останавливались, смотрѣли и думали про себя:

— Вотъ ѣдетъ важный паша, вѣрный слуга султана!

А паша думалъ, глядя на нихъ:

— Знайте, ничтожныя твари, что мимо васъ ѣдетъ необыкновенный человѣкъ—совсѣмъ не такой, какъ всѣ вы!

Фуадъ паша всегда ѣздитъ шагомъ, а около его лошади шель пѣшкомъ особый конюхъ. Это тоже означало, что на лошади ѣдетъ не простой человѣкъ. Кромѣ того, шли за пашою еще двое слугъ: чубукчи неся мѣшокъ съ табакомъ и длинный чубукъ въ особомъ чехлѣ; а другой слуга—кожаную сумку съ бумагами или какую-нибудь иную ношу. Такимъ способомъ важно и торжественно передвигался Фуадъ-паша по улицѣ.

Во время лѣтней жары всѣмъ толстякамъ приходится тяжело. Въ Константинополѣ лѣтомъ бываютъ очень жаркіе дни, когда даже привычный человѣкъ не знаетъ, куда дѣться отъ жары и духоты. Но жара все же не мѣшала Фуаду-пашѣ какъ слѣдуетъ плотно завтракать и обѣдать, и курить по 80 трубокъ въ день. Послѣ каждой ѣзды утуфетли-паша (милостивый паша) непременно часикъ-другой спалъ.

Фуадъ-паша замѣчалъ съ великой радостью, что съ каждымъ годомъ онъ становился толще да толще.

— Это оттого,—думалъ онъ про себя, — что Аллахъ не покидаетъ меня Своею милостью. Эль-хамди-Аллахъ! (благодареніе Богу).

Домъ Фуадъ паши.

Домъ Фуада-паши стоялъ на очень большой и красивой улицѣ Константинополя. Эта улица начинается съ обширной и старинной площади, которая называется Ат-Мейданъ. Тысяча лѣтъ тому назадъ на этой площади было конное ристалище и циркъ. Въ этомъ циркѣ константинопольскіе императоры-хрістіане устраивали конскіе бѣга, разныя игры и человѣческіе бои. Площадь была украшена тогда мраморными статуями очень хорошей работы и высокими колоннами (столбами). Одинъ императоръ велѣлъ привезти сюда изъ Египта и поставить здѣсь огромный четырехугольный столбъ-obeliskъ высотой въ тринадцать сажень, вытесанный изъ цѣлаго камня и съ изображеніями и надписями

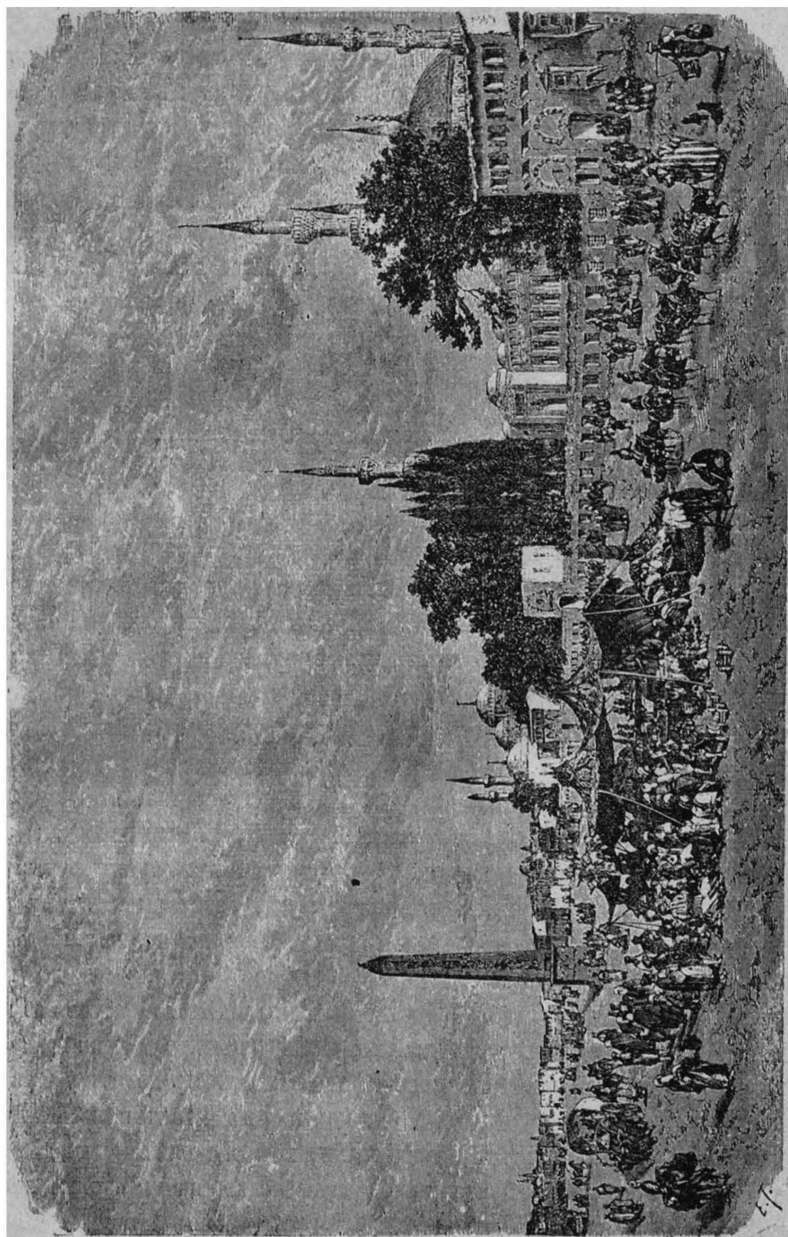
на древне-египетскомъ языкѣ. Всѣ эти столбы стоятъ на площади Ат-Мейданъ до сего дня. Эта площадь и столбы были видны прямо изъ оконъ дома Фуада-паши. Площадь выглядит очень красиво.

Домъ Фуада-паши былъ очень большой и просторный. Въ немъ было слишкомъ тридцать комнатъ, не считая корридоровъ и службъ. Комнаты были тоже просторныя и высокія. Стѣны ихъ были выкрашены бѣлой краской; вмѣсто дверей висѣли дорогіе тяжелые ковры; полъ повсюду былъ тоже устланъ коврами; въ самыхъ парадныхъ комнатахъ, вдоль стѣнъ, были сдѣланы невысокіе деревянные диваны, шириною аршина въ полтора, и тоже покрытые коврами. Другой мебели въ комнатахъ было немного. На мягкихъ широкихъ диванахъ турки и спятъ, и сидятъ, поджавъ подъ себя ноги и покуривая трубку...

Семья Фуада-паши была многочисленная. У него было три жены и восемь человѣкъ дѣтей,—три мальчика и пять дѣвочекъ. Фуадъ-паша считалъ дѣтей «даромъ Аллаха» и очень гордился тѣмъ, что его «родъ пустилъ на землѣ крѣпкіе корни». Самому старшему сыну Фуада было лѣтъ восемь, самой старшей дочери—лѣтъ пятнадцать. Дѣти жили въ женской половинѣ дома, по восточному обычаю.

Фуадъ-паша любилъ жить по старинѣ, а разныхъ иностранныхъ новшествъ даже побаивался. Его домъ дѣлился на двѣ половины. Одна половина называется у турокъ «гаремъ», другая называется—«селямликъ». Въ гаремѣ жили жены и дѣти Фуада-паши, а въ селямликѣ хозяинъ только принималъ гостей-мужчинъ. Въ гаремѣ были свои порядки, а въ селямликѣ—свои. Въ гаремѣ не смѣлъ войти ни одинъ мужчина, кромѣ самого Фуада-паши; въ селямликѣ къ гостямъ не смѣла показаться ни одна женщина. У каждой половины дома даже была особая прислуга, своя особая кухня, особые кладовыя. Въ гаремѣ, кромѣ того, было человѣкъ тридцать невольницъ «халаикъ». Среди нихъ были халаики и черкешенки, и нѣмки, и еврейки, и негритянки: почти всѣ онѣ были очень молодыя и красивыя. Были и невольницы-дѣвочки лѣтъ по семи или по восьми.

Въ домѣ Фуада-паши было множество слугъ—больше сотни. Тутъ были дворецкіе, казначеи, акшиты (повара) конюхи, чубукчи, евнухи, няньки, ямаки (судомойки), лакеи, «проводяты», дворники и множество разныхъ другихъ слугъ.

Площадь Ат-Мейданъ въ Константинополѣ.—Посреди площади—obeliskъ.

День богатаго турна.

Хорошо жилось знатному и богатому Фуаду-пашѣ. Каждый день рано утромъ въ гаремѣ его дома раздавались глухіе удары въ долабъ. Такъ называется у турокъ особый пустой ящикъ, который служить вмѣсто барабана. «Думъ! Думъ! Думъ!» звучали удары. Служители гарема извѣщали такимъ способомъ служителей селямлика, что хозяинъ дома изволилъ проснуться. Слуги гарема по старинному обычаю никакъ не смѣютъ входить въ селямликъ.

Тотчасъ же послѣ удара въ долабъ, въ домѣ начиналась суета и бѣготня. Для каждого дѣла были приставлены особые служители. Слугъ было больше, чѣмъ дѣла, а все же слуги суетились и копошились по всѣмъ угламъ.

Фуадъ-паша ночевалъ въ гаремѣ. У турокъ постелей не полагаются—люди спать на диванахъ. Прямо отъ сна Фуадъ-паша шелъ въ ванну; его сопровождали туда особые слуги. Послѣ ванны паша лѣживо отправлялся въ селямликъ, садился тамъ на широкій диванъ, поджималъ подъ себя ноги и курилъ трубку. Ловкій слуга, чубукчи Гикметъ, уже былъ тугъ какъ тутъ. Трубка у Гикмета была уже готова и пріятно дымилась. Чубукчи Гикметъ зналъ, какъ угодить своему хозяину; онъ особенно искусно умѣлъ набивать трубку табакомъ и говорилъ, что если въ трубку положить круглый, плоскій уголекъ, то куреніе будетъ гораздо вкуснѣе. Фуадъ-паша цѣлый часъ сидѣлъ на диванѣ и все курилъ, все курилъ. Изъ каждой трубки онъ затягивался разъ пять или шесть, а затѣмъ уже ему подавали другую. А подавая пашѣ трубку за трубкой, чубукчи, довѣренный человекъ паши, рассказывалъ ему новости, слухи, сплетни, а случалось, устраивалъ и кое-какія дѣла. Во всемъ Константинополѣ было и вѣстно, что черезъ чубукчи Гикмета можно устраивать разные выгодныя дѣла. Чубукчи Гикметъ былъ человекъ хитрый и ловкій. За деньги, за бакшишъ («на водку») чубукчи Гикметъ о чемъ угодно станетъ хлопотать у Фуада-паши; за деньги и за хорошій бакшишъ самъ Фуадъ-паша станетъ хлопотать о какихъ угодно выгодныхъ, хоть и некрасивыхъ дѣлахъ и себя на службѣ. Фуадъ-паша, коли было очень нужно, ловко умѣлъ обдѣлывать среди разныхъ важпыхъ чиновниковъ всякія выгодныя дѣла.

Благородный паша медленно, медленно втягивалъ въ себя дымъ изъ трубки, а чубукчи Гикметъ говорилъ передъ нимъ и говорилъ, безъ остановки, не умолкая.

Не успѣлъ еще Фуадъ-паша вдоволь покурить табакъ, какъ въ его комнату входилъ его аблакиаръ (лакей). Этотъ лакей несъ на серебряномъ подносѣ чашку крѣпкаго кофе. Фуадъ-паша очень любилъ крѣпкій кофе и пилъ его смакуя, не торопясь, медленными глотками. А въ дверяхъ уже стоялъ дворецкій (по-турецки векиль-харджъ) и казначей (хазинедаръ). Они подходили къ Фуаду-пашѣ опустивъ головы, но безъ поклоновъ: по турецкому обычаю, слуга никогда не привѣтствуетъ господина, а господинъ никогда не привѣтствуетъ слугу. Дворецкій всегда держалъ въ рукахъ длинный листъ бумаги: на бумагѣ было написано, какіе расходы необходимо сдѣлать въ этотъ день, — что надо купить и что заказать, и за что заплатить, и сколько. Каждый день казначей подносилъ Фуаду-пашѣ по очень длинному и большому счету. Дворецкій давалъ этотъ счетъ пашѣ, чтобы тотъ приложилъ къ нему собственноручно печать. Печать требовалась потому, что всѣ свои деньги Фуадъ-паша держалъ на всякій случай въ банкѣ, а банкиръ, безъ такой печати, не имѣлъ права платить по счетамъ.

Фуадъ-паша покуривалъ трубку, попивалъ кофе и слушалъ да слушалъ, что читаетъ ему дворецкій. Фуадъ-паша отлично зналъ, что добрая половина расходовъ написана въ счетѣ неправильно: никто такихъ расходовъ не дѣлалъ, да и не зачѣмъ ихъ было дѣлать. Фуадъ паша отлично зналъ, что дворецкій и казначей обманываютъ и обворовываютъ его напропалую: — «Но что подѣлать? думалъ Фуадъ-паша. — Этихъ воровъ прогоню — другіе будутъ еще хуже!» «Сытая муха все же меньше сосетъ, чѣмъ голодная», такъ говоритъ турецкая пословица. И Фуадъ-паша дѣлалъ кислое лицо, вытаскивалъ изъ-за ворота рубашки небольшой шелковый мѣшочекъ, гдѣ у него всегда лежала печать, — и молча прикладывалъ печать къ счету. Эта печать служила ему вмѣсто подписи. Въ мѣшечкѣ, на груди, у него хранились разныя печати на разные случаи жизни. На одной печати было вырѣзано: «пусть будетъ такъ!» — и подпись. На другой: «заплатить!» — и подпись. На третьей «получить!» — и тоже подпись. Мѣшочекъ съ печатами Фуадъ-паша берегъ какъ зеницу ока. Онъ даже ночью не снималъ его со своей груди.

Прикладывая печати, Фуадъ-паша тяжело вздыхалъ. Дворецкій и казначей смотрѣли на своего хозяина и тоже вздыхали. Словно и имъ было жалко хозяйскихъ денегъ.

Казначей и дворецкій, добившись своего, уходили. А Фуадъ-паша принимался опять за трубку.

Проходилъ еще часъ. Вдругъ раздавались снова удары въ пустой ящикъ долабъ. Изъ-за занавѣски, которая висѣла надъ входомъ въ гаремъ, слышался дѣтскій крикъ. Это старшій сынъ Фуада-паши звалъ стараго слугу изъ селямлика. Безъ слуги сынъ Фуада-паши не смѣлъ идти изъ гарема въ селямликъ, къ своему отцу. А слуга изъ селямлика, по турецкому обычаю, не имѣетъ права войти въ гаремъ.

И вотъ слуга шелъ къ занавѣскѣ, висящей надъ входомъ въ гаремъ, просовывалъ руку за занавѣску и извлекалъ оттуда сначала старшаго сына Фуада-паши, потомъ и другихъ ребятъ.

Младшій сынъ Фуада-паши былъ одѣтъ какъ дѣвочка. Такъ одѣвала его мать. Она думала такимъ способомъ сохранить ребенка отъ дурного глаза, въ который вѣрила такъ же крѣпко, какъ въ Аллаха.

А самъ Фуадъ-паша курилъ себѣ да курилъ. Къ нему чинно подходили дѣти, онъ иногда гладилъ ихъ по головкѣ, но не очень-то ласкалъ. Онъ говорилъ дѣтямъ: «садитесь!». Но дѣти все же отнюдь не смѣли сразу садиться передъ своимъ отцомъ: они непременно должны были ожидать, чтобы отецъ нѣсколько разъ пригласилъ ихъ сѣсть. Такъ полагается по обычаю.

Фуадъ-паша не очень-то любилъ своихъ дѣтей, а дѣти не очень-то любили своего отца. У богатыхъ турокъ дѣти растутъ въ гаремѣ при матери; ухаживаютъ за ними няньки-невольницы, а когда мальчики подрастутъ, къ нимъ приставляется особый дядька-негръ, который называется «ляля».

Дѣти Фуада-паши не очень-то любили и своихъ матерей. Нянекъ-невольницъ они знали больше, чѣмъ своихъ матерей. А отца они видѣли только разъ въ день — утромъ и то ненадолго.

Нерѣдко случалось такъ, что три жены Фуада-паши сильно враждовали между собою. Особенно неуживчивой и злой была старшая жена Фуада-паши, по имени Фатьма. Она то и дѣло старалась очернить передъ Фуадомъ-пашой всѣхъ другихъ женъ. Тогда

Фуадъ-паша приходилъ въ гаремъ и кричалъ на нихъ, и даже билъ ихъ. А жены тоже кричали и плакали. Кричали и дѣти и въ страхѣ разбѣгались по угламъ. Они видѣли, что ихъ отецъ обижаетъ ихъ матерей, и потому не любили отца. Дѣти слышали каждый день, какъ одна жена Фуада-паши укоряетъ и чернитъ другую. Дѣти не очень-то любили и матерей. Слушая ихъ споры и ссоры, они думали про себя: «И правда, моя мать—вехорошая женщина».

Три жены Фуада-паши и ихъ невольницы въ гаремѣ.

А обижать своихъ женъ Фуадъ-паша никогда не стѣснялся. Онъ очень любилъ повторять турецкую пословицу:

— Мужчина—человѣкъ, а женщина—не мужчина!

Эта пословица сложилась у турокъ и у другихъ восточныхъ народовъ въ незапамятныя времена. Ее очень любятъ повторять богатые турки, живущіе на старинный ладъ.

Повидавъ дѣтей, Фуадъ-паша принимался за дѣла. Надо сказать по правдѣ, важный паша не очень-то любилъ работать. Онъ работалъ вяло, медлительно, не торопясь; работалъ по пословицѣ: «дѣло не волкъ,—въ лѣсъ не убѣжить». Фуадъ-паша раскладывалъ передъ собой бумаги, читалъ ихъ, писалъ, и въ это время сильно пыхтѣлъ и сопѣлъ. Писалъ онъ плохо, некрасиво, съ ошибками, и подолгу думалъ надъ каждымъ словомъ. Паша не очень-то любилъ работать головой: отъ такой работы онъ скоро уставалъ. А когда онъ уставалъ, то откладывалъ работу въ сторону и снова принимался за трубку, и часто посматривалъ на часы,—скоро ли часоваѣ стрѣлка покажетъ одиннадцать часовъ.

Въ этотъ часъ у Фауда-паши каждый день былъ пріемъ по дѣламъ. Пока онъ читалъ и писалъ свои бумаги въ сосѣдней комнатѣ селямлика уже собирался народъ. Фуадъ-паша былъ человѣкъ очень знатный, богатый и важный. Каждый день утромъ въ его домѣ собиралось множество знакомыхъ и незнакомыхъ людей. Простые люди сюда не заглядывали, а если они и заглядывали, то ихъ гнали въ три шеи: Фуадъ-паша считалъ для себя униженіемъ принимать въ свой домъ бѣдныхъ людей. Зато знатные и богатые люди приходили къ пашѣ цѣлыми десятками, и даже не одни, а со своими слугами. Они входили въ комнату и кланялись по турецки: сначала клали правую руку на сердце, потомъ подносили ее къ губамъ, а отъ губъ—къ головѣ. Это означало: «что я чувствую,—то и говорю, а что говорю,—то и думаю». Иные гости сгибали свои спины передъ Фуадомъ-пашой чуть не до земли, а передъ иными гостями и самъ Фуадъ-паша изгибался еще больше. Зато людямъ попроще онъ едва кивалъ головою.

Мало по малу набиралась въ комнатѣ цѣлая толпа гостей. Гости чинно разсаживались на широкихъ диванахъ; слуги подавали имъ трубки. Гости усиленно курили и изрѣдка перебрасывались словомъ съ хозяиномъ. Гости вели себя чинно, вѣжливо, говорили цѣлѣстными языкомъ, не просто, а какъ полагается говорить настоящему образованному турку. Они попеременно выхваляли другъ друга, а знатныхъ и богатыхъ людей выхваляли больше другихъ.

Одинъ гость говорилъ Фуаду-пашѣ о себѣ самомъ:

— Твой невольникъ пришелъ поклониться тебѣ!

Другой говорилъ: